

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.16>

UDC 39(470.4)(=512.122)
LBC 63.529(235.54)

Submitted: 16.03.2017
Accepted: 20.03.2017

MATERIALS ON THE ETHNOGRAPHY OF THE KAZAKH-BUKEEV IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY PERIODICALS¹

Marina A. Ryblova

Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article presents the review and analysis of pre-revolutionary periodicals devoted to ethnography of Bukeev Khanate Kazakhs. The study of multiple publications printed in Metropolitan and regional newspapers and magazines showed that the Russian public expressed huge interest towards the territories and ethnicities that were part of Russian Empire. Work on collecting ethnographic material throughout the whole country including those territories inhabited by Kazakhs was conducted by public and state organizations (like Russian Geographical Society, Free Economic Society, etc.) as well as by enthusiasts: local lore specialists, medical doctors, government officials that expressed not only a scientific interest but also civil responsibility with regard to the fate of affiliated ethnicities. Pages of periodicals of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries turned into arena of sharp disputes about variants of state policies with regards to those ethnicities, ways and forms of their integration into Russian society, and modernization of their traditional culture. Newspapers' and magazines' publications of that period give vast material that allows to reconstruct main elements of material and spiritual culture of Bukeev Horde Kazakhs, as well as to identify emotionally coloured images of “friends” and “strangers”, to discover the features of mentality not only of the studied Kazaks but also Russians that conducted those studies.

Key words: ethnocultural features, traditional culture of Bukeev Kazakhs, Bukeev khanate, intercultural communications, imperial policy at the outskirts of Russia.

Citation. Ryblova M.A. Materials on the Ethnography of the Kazakh-Bukeev in the Russian Pre-Revolutionary Periodicals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*, 2017, vol. 22, no. 3, pp. 169-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.16>.

УДК 39(470.4)(=512.122)
ББК 63.529(235.54)

Дата поступления статьи: 16.03.2017
Дата поступления статьи: 20.03.2017

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ КАЗАХОВ-БУКЕЕВЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ¹

Марина Александровна Рыблова

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен обзор и анализ материалов дореволюционной периодики, посвященных этнографии казахов Букеевского ханства. Обращение к многочисленным публикациям на страницах столичных и региональных газет и журналов показало, что российская общественность проявляла огромный

интерес к территориям и народам, входящим в состав империи. Работа по сбору этнографического материала по всей стране, включая территории, заселенные казахами, осуществлялась как в рамках общественных и государственных организаций (Русское географическое общество, Вольное экономическое общество и др.), так и энтузиастами – краеведами, врачами, чиновниками, проявлявшими не только научный интерес, но и гражданскую ответственность за судьбы «присоединенных» народов. Страницы периодики второй половины XIX – начала XX в. превратились в арену острых споров о вариантах политики государства по отношению к ним, способах и формах интеграции в российское сообщество, модернизации их традиционной культуры. Газетные и журнальные публикации того времени дают обширный материал, позволяющий реконструировать основные элементы материальной и духовной культуры казахов Букеевской Орды, выявить эмоционально окрашенные образы «своих» и «чужих», обнаружить особенности менталитета не только исследуемых казахов, но и исследовавших их русских.

Ключевые слова: этнокультурные особенности, традиционная культура казахов-букеевцев, Букеевское ханство, межкультурные коммуникации, имперская политика на российских окраинах.

Цитирование. Рыблова М. А. Материалы по этнографии казахов-букеевцев в российской дореволюционной периодике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 3. – С. 169–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.16>.

Три последних десятилетия ознаменовались процессом возрождения культурных традиций практически всех народов, проживающих на территории Нижнего Поволжья, в том числе и казахов – потомков группы букеевцев. Появился запрос, как от казахской общности, так и от научного сообщества, на информацию о так называемых истоках – этнической истории, основах традиционной культуры и пр. В связи с этим могут представлять значительный интерес материалы российских дореволюционных периодических изданий, на страницах которых оказались разбросанными множественные свидетельства об этнографических особенностях букеевцев, о хозяйственной, общественной и религиозной сферах их жизни, о процессах адаптации кочевников к новым экологическим и социальным условиям существования, их взаимоотношениях с соседними народами и имперскими властями.

Букеевцами в дореволюционное время называли группу казахов, представлявших роды Младшего жуза и образовавших с позволения российских властей в 1801 г. в южной части степей Волго-Уральского междуречья Букеевскую (Внутреннюю) Орду (ханство). В состав группы вошли, помимо самих казахов, ногайцы, татары и калмыки, что отразилось и на антропологическом типе букеевцев, и на особенностях их культуры, испытывавшей к тому же сильное влияние со стороны проживавших по соседству русских крестьян. К середине XIX в. численность казахов-букеевцев достигала 170 тыс., а в конце

века – 240 тыс. человек. Их традиционным занятием было кочевое скотоводство, однако к середине XIX в. под влиянием русских букеевцы стали переходить сначала к полуседлому, а затем и оседлому образу жизни. После установления постоянных границ Букеевской Орды, в советское время ставшей самой западной частью Казахской ССР, значительная часть казахов-букеевцев сохранила традиционные поселения и частично маршруты перекочевок в Астраханском, Саратовском и Волгоградском Заволжье. Еще одна часть территории бывшей Букеевской Орды составила Бокейординский район в составе Западно-Казахстанской области Казахстана. В настоящее время казахи-букеевцы, с одной стороны, оказались разделенными нынешней границей между Российской Федерацией и Казахстаном, с другой – являются своеобразным этническим буфером между двумя государствами, осуществляя постоянные межродовые и межсемейные контакты в приграничных территориях. В течение двух последних столетий казахи-букеевцы и их потомки в значительной мере определяют этнокультурный облик нынешнего Волгоградского и Астраханского Заволжья, оказывают влияние на формы межкультурных коммуникаций, как на российских, так и на казахстанских территориях.

Между тем в течение всего советского периода и до наших дней внимание исследователей не было сосредоточено на изучении культурных особенностей этой своеобразной этнолокальной группы. Совсем иной была ситуация в дореволюционное время, когда уси-

лиями сначала разрозненных энтузиастов, а затем и объединенных такими организациями, как Императорское Русское географическое общество (ИРГО) и его региональные отделения, Вольное экономическое общество, губернские статистические комитеты и др., велось активное изучение этнокультурных особенностей многочисленных обитателей российских окраин.

Внимание российского общества к поселившемуся на территории империи народу возникло практически сразу же после вхождения Младшего казахского жуза в состав России (1730 г.). Это внимание во многом поддерживалось российским правительством, заинтересованным в расширении знаний о присоединяемых к империи новых землях и народах. После образования Букеевской Орды (1801 г.) и расселения казахов в Заволжье началось взаимодействие с ними русских чиновников, торговцев и ученых. Особенно активно стали изучаться букеевцы после создания в 1845 г. ИРГО, с этого же времени стали появляться отдельные монографические работы, например в 1846 г. была издана небольшая книга Я.В. Ханькова «Очерк состояния Внутренней Букеевской Орды в 1841 г.» [54]. Материалы по этнографии казахов-букеевцев содержались в вышедшей в 1852 г. работе русского этнографа, специалиста по народам Нижнего Поволжья П.И. Небольсина «Очерки Волжского Низовья» [34], которая первоначально публиковалась на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» [33]. В 1880-х гг. вышли монографические издания, содержавшие материалы по этнографии букеевцев, написанные известным русским этнографом А.Н. Харузиным: «Степные очерки (Киргизская Букеевская орда)» и «Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографический очерк» [54; 55]. В немалой степени появлению этих и других работ способствовала масса публикаций по этнографии казахов-букеевцев на страницах периодических изданий, начавшаяся в 1840-е гг. и продолжавшаяся до начала XX века.

Свои страницы для публикации материалов по этнографии казахов-букеевцев представляли такие центральные издания, как «Сын Отечества», «Русский вестник», «Эпоха», «Русский инвалид», «Северная пчела»,

«Санкт-Петербургские ведомости», «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал Министерства государственных имуществ»; региональные газеты и журналы: «Самарские губернские ведомости», «Саратовские губернские ведомости», «Астраханские губернские ведомости», «Оренбургские губернские ведомости», «Уральские губернские ведомости», «Астраханский справочный листок», «Астраханские епархиальные ведомости» и др.

Материалы по истории, этнографии и статистике Букеевской Орды собирали и публиковали в периодических изданиях члены ИРГО (в рамках которого было создано отделение этнографии) И.П. Корнилов, М.И. Иванин, известные нижеволжские краеведы П.И. Небольсин и А.Ф. Леопольдов. Наряду с этими профессиональными исследователями быт и культуру букеевских казахов описывали врачи, ветеринары, торговцы, чиновники, «путешествующие», не обладающие навыками сбора этнографического материала, но зато имеющие зоркий и любопытный глаз. Краткому обзору этих публикаций и посвящена настоящая статья. Эти материалы, ранее почти не используемые современными исследователями, могут быть, на наш взгляд, востребованы не только представителями научного сообщества, но и теми, кто стремится к возрождению и популяризации этнокультурных традиций казахов Нижнего Поволжья. Актуализируется данная тема и в связи с активно исследуемой в последнее время так называемой имперской историей России.

Первоначально интерес большинства авторов газетных и журнальных публикаций был сконцентрирован на личностях ханов Букея и Джангира (причем давались описания не только их деятельности, но и внешнего вида, включая костюм и антропологические характеристики) [45], на особенностях административного устройства Орды, общей статистике и природе «киргизской степи» [14; 16; 25; 27; 31; 32; 36; 38; 46; 52]. Многих из тех, кто посещал Букеевскую Орду с самыми разными целями, интересовало ее экономическое состояние. Отсюда обширные и детальные описания особенностей кочевого скотоводства и торговли в Орде. Авторы статей и заметок задумывались о том, как улучшить экономическое благосостояние Орды, сделать более рентабельным ее

хозяйство, давали рецепты по улучшению коневодства и овцеводства в степи.

Со временем круг затрагиваемых в публикациях проблем значительно расширился: стали появляться подробные описания отдельных элементов духовной и материальной культуры букеевцев, особенностей их хозяйственного уклада, анализировались культурные контакты русских и казахов, обсуждался процесс интеграции последних в состав империи. Показательно, что не только региональные, но и центральные российские периодические издания считали своим долгом ознакомить как можно лучше своих читателей с бытом и культурой многочисленных народов империи, в том числе и тех, кто относительно недавно вошел в ее состав. На страницах российских периодических изданий можно было прочитать об обычаях гостеприимства у казахов-букеевцев, обрядах социализации мальчиков, чайных трапезах, народной медицине, религиозных представлениях народных праздниках, играх и пр. [20; 21; 39; 43]. Газетные статьи содержат подробные описания казахских поселений и жилищ [24; 39], традиционной охоты [40], способов приготовления кумыса и лечения им [36]. Правила организации казахского туя (пира с играми, борьбой и пр.) представлены в обширной статье М.Я. Киттары [26]. Детальное описание традиционной одежды букеевцев дано на страницах «Сына Отечества» 1840 года [36]. Автор одной из статей попытался также дать описание антропологического типа казахов-букеевцев, не вполне научное с точки зрения антропологии, зато весьма красноречивое: «...лица их смугло-желтые и скулистые, глаза большей частью черные, лица плоские, носы широкие, ноги кривые, походка медленная, развалистая от непривычки к пешеходству и от неудобства обуви особенного кроя из юфты на высоких внутренних каблуках. Волосы на бороде и усах чаще всего темно-русые, редкие, а на голове жесткие черные, последние они бреют и покрывают головы тубетейками. Бороды клином, у губ волосы выдергивают щипчиками или подбривают» [42].

Вообще образ «другого» (кочевника-степняка) очень явно представлен в этнографических зарисовках дореволюционной периодики. Он в целом соответствовал духу вре-

мени с его европейскими просветительскими представлениями о «диких» и «цивилизованных» народах, но в то же время в газетных и журнальных публикациях середины и второй половины XIX в. наблюдается уже значительное его смягчение, по сравнению, например, с представлениями А. Левшина о «хищнических нравах казахов», о якобы присутствующем им большом корыстолюбии и страсти к грабёжам (под которыми обычно понимался неверно понятый обычай баранты)².

Исследовавшая имперскую лексику по отношению к казахам О.Е. Сухих обратила внимание на то, как со временем (по мере усиления влияния русской администрации в Казахской степи) изменялся тон текстов российских официальных документов: от покровительности к повелительности [49]. Статьи и заметки в периодике XIX в., писавшиеся либо специалистами-этнографами, либо (гораздо чаще) представителями местной интеллигенции, дают пример другой лексики и другой тенденции в ее развитии, а образ «дикого кочевника» постепенно трансформируется в доброго знакомого, немного странного и, конечно же, нуждающегося в опеке и помощи со стороны «цивилизованных» собратьев.

Например, Э.Ж. Островский так характеризовал букеевцев в 1859 г. на страницах «Журнала Министерства внутренних дел»: «Киргизы хитры, недоверчивы, трусливы, но при возможности дерзки, чрезвычайно корыстолюбивы и ленивы. Образование ослабляет отчасти эти недостатки, как можно заметить на некоторых из числа образовавшихся в высшем учебном заведении. Между султанами много совершенно необразованных, и эти последние отличаются гордостью, надменностью и чрезвычайной ленью. Киргизы вообще очень болтливы, любят проводить целые ночи в разговорах, к которым женщины никогда не допускаются» [39]. А.Ф. Леопольдов в 1850 г. писал о том, что в начале века киргизы Букеевской Орды были страшны русским, «как хищные звери, если не более», и называл их (применительно к тому времени) «толпами дикарей» [1]. Однако уже через год в другой газетной заметке он же воссоздал образ кочевника совершенно в духе европейского просветительства, отдав дань тем его представителям, которые воспевали близкого к

природе «первобытного дикаря»: «Житель степи есть друг природы. Забота – этот тлетворный червь – не точит, не съедает его сердца; на раздольной и девственной степи редко приходит ему на память горький удел его: в поте лица снести хлеб свой» [2]. На страницах «Оренбургского листка» в 1890 г. была помещена заметка о посещении казахской степи профессором Э.Ю. Петри, который хвалил казахов, отмечая их стремление к грамотности и образованию, и писал о многих их «культурных задатках» и способности перейти «к более высокой культуре» [44].

Не менее интересен и образ «своих», то есть русских, который раскрывается как бы исподволь на страницах периодики, освещающей отношения между русскими поселенцами и казахами. Так, А.Е. Алекторов, пересказывая на страницах своего библиографического указателя статью некоего Е-на, заступавшегося за казахов, притесняемых русскими, писал: «Невольно думается, как много у нас, русских, плакальщиков, бичующих самих себя, готовых снять с себя рубашку и надеть ее кого угодно, только бы про нас сказали, что мы люди гуманные, передовые, достойные удивления Европы по своей цивилизованности и самоотверженности» [6, с. 327].

Авторы большинства газетных и журнальных публикаций не были ни этнографами, ни антропологами, но значимость их работ (от обширных статей до маленьких заметок) заключается в первую очередь в том, что в них нашли отражение опыт непосредственного наблюдения «живой» традиционной культуры и результаты общения с ее носителями. Почти все публикации, посвященные описаниям этнокультурных особенностей казахов-букеевцев, демонстрируют качества, нередко отмечаемые уже современными учеными, как доминирующие в русском национальном характере и определяющие особенности протекания межкультурных коммуникаций на огромных просторах Российской империи: простодушное любопытство, открытость к контактам, «способность интериоризировать возможную внешнюю конфликтность и стремление нейтрализовать ее уже внутри себя» [29, с. 419].

Готовя к изданию монографию «Киргизы Букеевской Орды», известный русский эт-

нограф и антрополог А.Н. Харузин обращался к многочисленным газетным и журнальным публикациям, посвященным этнографии букеевцев. Он составил указатель основных из них (дополненный впоследствии А.Е. Алекторовым) [56] и дал им общую оценку, сводимую к тому, что главные их особенности – фрагментарность, отсутствие системности и желания (или умения) авторов «вникать в суть быта этой интересной народности» [54, с. 14]. Отмечал известный этнограф и те трудности, которые могли возникнуть у серьезного исследователя при работе с этими публикациями: «... в них нет точного указания на местность, где те или другие обычаи в ходу... к какому времени относится тот или другой обычай или обряд» [54, с. 14]. Исследователь предупреждал, что для пожелавшего серьезно заняться исследованием этнокультурных особенностей казахов-букеевцев откроется «обширное и почти не тронутое поле» для изысканий, ему придется свести воедино и систематизировать многие сотни разрозненных свидетельств, разбросанных на страницах обширной российской периодики XIX века. Остается только сожалеть, что до сих пор желающих осуществить этот масштабный проект так и не нашлось (если не считать отдельные этнографические сюжеты в вышедшей в 1984 г. книге С.З. Зиманова «Россия и Букеевское ханство» и краткую характеристику влияния русской культуры на казахов, данную Б. Аспандияровым [7, с. 130–141; 18]).

Сам А.Н. Харузин не ставил перед собой задачу осуществить полномасштабный анализ этнокультурных особенностей букеевцев, остановившись на характеристике лишь отдельных элементов их традиционной культуры и сосредоточив свое внимание на физической антропологии. Однако ряд русских журналов опубликовал более или менее подробное изложение его книги [24], некоторые столичные и региональные издания напечатали на нее рецензии [4; 22, с. 174].

Серьезно и озабоченно обсуждали на страницах периодической печати представители российской науки и общественности и вопросы государственной политики по отношению к вновь поселившемуся на территории страны народу. Следуя за позицией официальных российских властей, авторы газетных и

журнальных публикаций (как столичных, так и местных) четко и однозначно формулировали задачи их ассимиляции (обрусения) и приобщения к «достижениям цивилизации» путем проведения комплекса мер в области экономики, управления и образования. Правда, способы решения этих задач виделись различным авторам по-разному. Некоторые ратовали за решительные меры, включавшие проведение земельной реформы в Орде с закреплением отдельных участков земли за конкретными лицами, что, безусловно, способствовало бы переходу казахов к оседлости, а также за унификацию всей системы управления с приведением ее в соответствие с российским законодательством [15]. Другие высказывались за постепенность проводимых реформ и необходимость учитывать особенности культуры и быта «цивилизуемых» народов.

Так, обширная статья М.И. Иванина (бывшего с 1853 г. в течение трех лет советником во Временном Совете Внутренней Букеевской Орды) имела своей целью оказать помощь русской администрации в превращении «диких народов, населяющих Россию, в цивилизованные, изменить их наклонности и привычки и нравственно перевоспитать» [19]. Эта задача представлялась автору весьма трудной, а для ее решения, по его мнению, нужно было не просто отменять какие-то обычаи и традиции казахов, не отвечающие, по представлению администрации, требованиям «цивилизированных обществ», а искать им подходящий эквивалент. (Отметим, кстати, что такая позиция вполне соответствовала рекомендациям по управлению британскими колониями, данным в свое время знаменитым английским антропологом Б. Малиновским [30].) Именно с этой целью М.И. Иванин знакомит читателей с традициями управления и судопроизводства у казахов-букеевцев, осуществляемых по нормам обычного права, включая характеристику системы сборов (зьякят и сугум) и «народных» судов по таким делам, как воровство, поземельные споры и «дела супружеские».

Весьма показателен в этнографическом отношении вывод автора о том, что, несмотря на все усилия русской администрации, суд по нормам обычного права долгое время оставался для казахов более предпочтитель-

ным, чем официальный суд русской администрации, основанный на следствии с допросами свидетелей, делопроизводстве, приводе к присяге и пр. И другие чиновники, состоявшие на службе в Букеевской Орде, свидетельствовали, что, несмотря на простоту суда по обычному праву, он чаще всего был вполне справедливым, посредники очень серьезно относились к своим обязанностям и случаи их лукавства (из уважения к богатству или влиятельности обвиняемого лица) признавали редкими исключениями. Во всяком случае, многие из тех, кто изучал судебную практику в Орде, отмечали укорененность здесь норм обычного права и сохранявшееся долгое время настороженное отношение казахов к навязываемой системе российского судопроизводства [37].

В периодических изданиях постоянно ставился вопрос о необходимости тщательного изучения обычного права казахов, о составлении сборника их «юридических обычаев, имеющих силу закона». Многие соглашались, что нужно смягчать нормы обычного права казахов, но также и учитывать их при проведении судебной и других реформ, заимствуя из них все лучшее. Для сбора материалов по обычному праву казахов предлагалось воспользоваться услугами членов Западно-Сибирского отдела ИРГО: топографов, ветеринаров, врачей, лесничих и т.п., разъезжающих по Орде по делам службы. Но особенно важным признавалось привлечение к этой работе людей, знающих язык и традиции казахов [23].

Показательно и то, что имеющий довольно радикальные взгляды А.Е. Алекторов, известный просветитель и знаток казахских традиций, настаивавший на отмене так называемых судов биев, подчеркивал в первую очередь не проистекающие из этого «удобства» управления Ордой, а возможные выгоды для самих казахов, так как суды биев обходились им очень дорого и не соответствовали (с точки зрения просвещенного исследователя) «истинным понятиям справедливости» [5]. А.Е. Алекторов весьма скептически оценивал успехи русской администрации в Орде, упрекая ее в половинчатости мер, чрезмерной политкорректности, сетовал на то, что Временный Совет излишне усердствовал в сохранении традиционной культуры казахов. Сам он

искренне полагал, что у казахов «не было никогда и быть не может собственной культуры» [3]. Интересна, однако, не только позиция «державника» и сторонника сплошной русификации туземных народов, но и его оценка весьма деликатной позиции русской администрации в Орде в отношении инородцев и их культуры, активно привлекавшей к управлению выходцев из местной этнической среды.

Однако в другом вопросе – о роли христианизации в процессе ассимиляции туземцев – тот же А.Е. Алекторов спорил на страницах прессы с теми, кто настаивал на том, чтобы дать отпор проповеди в Орде мусульманства со стороны татар и усилить православное миссионерство. Его статья «Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики» написана в виде диалога с И.Н. Смирновым, выступившим с девизом «Христианство для инородцев» [47]. А.Е. Алекторов противопоставил ему свой девиз – «Школа для инородцев» как средство для обрусения казахов. Учитель и книга, по его мнению, должны были подготовить почву для будущего восприятия инородцами христианства, а задача русской администрации и духовенства – просвещать, а не навязывать. В конечном счете не только в школах Букеевской Орды, но и во всей российской Центральной Азии утвердилась и распространилась система Н.И. Ильминского с ее русифицированным просветительством, которое заняло место православия, а в религиозной сфере окончательно утвердилось мусульманство, хотя и сильно разбавленное у букеевцев языческими представлениями и обрядовыми практиками.

Периодические издания, отражавшие чаяния российской общественности скорейшей русификации туземцев, скрупулезно и с радостными чувствами фиксировали каждый факт открытия в Орде очередной русско-казахской школы или обращения в православие кого-то из казахов, однако параллельно не переставали сетовать и на то, что проповедь ислама татарскими миссионерами делает несравнимо большие успехи.

Как показала жизнь, с христианизацией казахов-букеевцев в конечном счете ничего не вышло, но не менее важно другое обстоятельство, также нашедшее отражение в периодических изданиях второй половины

XIX в., – обрусение букеевцев шло стремительными темпами. И уже в вышедшей в 1889 г. книге А.Н. Харузина «Киргизы Букеевской Орды» читаем: «Не в наших целях входить в подробности быта букеевского киргиза. Но в этом самом быту бросаются в глаза некоторые черты, которые указывают, насколько киргиз “внутренний” отделился от всего киргизского племени, насколько он приобрел свою физиономию, ставши в новые условия жизни. На что бы мы не взглянули: на религию ли, семью, сословность, родовое устройство, игры и песни – повсюду видим мы упадок старинного быта, лишь переживание старого» [54, с. 20].

Будучи этнографом, А.Н. Харузин с грустью писал об утрате букеевцами многих черт традиционной культуры, пророча им в ближайшей перспективе лишь три пути: отатаривание, обрусение (и тот и другой давали шанс на физическое выживание, но должны были привести к гибели народной самобытности) и полное вымирание. Однако опасения этнографа не сбылись: казахи Букеевской Орды не только выжили, но и сохранили свою самобытность, продемонстрировав при этом большие адаптационные возможности своей культуры.

Именно как успех, как умение творчески сочетать собственные традиции с традициями соседних народов и способность к инновациям оценивал процесс интеграции казахов в структуру Российской империи М.И. Иванин. Он дал общую оценку процессам интеграции разных кочевых народов в состав империи. Сравнивая процессы аккультурации калмыков, башкир и казахов, он приходил к выводу, что только последние показали реальные и значительные успехи, творчески заимствуя опыт соседних народов и соединяя его с собственными традициями: «Третий кочевой народ юго-восточной России – киргизы, тоже еще недавно занимались грабежами, уводом в плен людей и скота, хотя и считались более ста лет нашими подданными. Но... так как киргизы эти перешли к нам добровольно и не питали такой закоренелой вражды и такого недоверия, как башкирцы, то при содействии других благоприятных обстоятельств быт этого кочевого народа менее чем в полвека так здесь изменился, что на-

род этот стал полуоседлым, начал без всякого принуждения и даже вмешательства заниматься торговлей, жить трудом, косить сено, строить зимовки (дома из глины с земляными огорожами для скота), понял пользу приобретения земли в собственность и во многом изменил прежний свой кочевой быт» [19, с. 6]. Высоко оценивал М.И. Иванин и роль правителей Букеевской Орды, умевших направить усилия своего народа на адаптацию к новым условиям жизни и видевших не только сильные стороны российской администрации, но и ее недостатки.

Об особенностях протекания межэтнических контактов в Орде, в частности о взаимоотношениях между казахами и русскими, в положительной коннотации писали на страницах периодики такие известные исследователи-краеведы, как П. Небольсин и А.Ф. Леопольдов. Последний отмечал, что с самого начала возникновения Букеевской Орды казахи «были страшны русским», так как нападали на их селения, угоняли скот, были случаи физической расправы над русскими. В ответ они вооружались, объединялись в артели для отпора набегам кочевников. Однако уже к 1850-м гг. на смену силовому противостоянию пришло взаимовыгодное сотрудничество и культурный обмен: «...в пограничных селениях многие из русских очень хорошо выучились говорить по-киргизски, особенно мальчики. Это стало одним из главных средств, послуживших к сближению русских и киргизов. Многие из русских коротко знакомы с киргизами, водят с ними хлеб-соль» [28]. А.Ф. Леопольдов писал, что в Орде и ее окрестностях стали популярными взаимные «гостевания» (при этом русских угощали кумысом, казахов – вином), товарообмен на ярмарках, распространение среди казахов русского хлеба, посуды, утвари, а среди русских – чаепития и кумысолечения. Описал А.Ф. Леопольдов и процесс постепенного оседания казахов, который происходил под влиянием русских крестьян. По его словам, войдя в близкие отношения с русскими, казахи многое изменили в своем быту: стали строить на зиму землянки, заготавливать сено для скота; употреблять в пищу русский пшеничный хлеб и каши; завели лошадиную сбрую и стали ездить на телегах и санных [28; 48]. Об изменениях в лучшую сторо-

ну взаимоотношений казахов и русских крестьян, а также быта казахов писали и другие авторы [40].

Периодические издания XIX в. зафиксировали и еще одно из направлений имперской политики на Востоке, безусловно заслуживающее внимания. Это опыт привлечения к управлению русифицированной элиты присоединенных (или покоренных) народов. Ярким представителем казахской элиты, всю свою жизнь посвятившим просвещению казахов-букеевцев и их интеграции в состав империи, является Мухаммед-Салих Бабаджанов (1834–1871), ставший также этнографом, просветителем и публицистом. Практически все его работы, посвященные этнографии казахов-букеевцев, публиковались на страницах российских периодических изданий. Родился Бабаджанов в семье есаула Букеевской Орды, окончил первую, созданную в Орде, русско-казахскую начальную школу в Ханской ставке, а в 1851 г. – Азиатское отделение Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, который готовил переводчиков для российских административных органов власти и военных учреждений. По окончании корпуса он вернулся в Букеевскую Орду, где работал на разных должностях: с 1855 г. служил советником канцелярии Ханского совета Букеевской Орды, с 1866 г. был управителем Камыш-Самарской части Орды. В конце 1850-х гг. Бабаджанов наладил контакты с ИРГО, стал регулярно направлять туда свои статьи, заметки, вещевые коллекции. В 1861 г. Совет Общества по представлению Отделения этнографии избрал его своим членом-сотрудником, а еще через год наградил серебряной медалью «За значительное содействие трудам Отделения этнографии и, между прочим, доставление статей о быте киргизов и разных этнографических предметов». Свои научные труды он писал в виде писем к П.И. Небольсину, который опубликовал их с разрешения автора в столичных газетах [51].

В публикациях Бабаджанова нашли отражение самые разные стороны хозяйственной жизни казахов Букеевской Орды, представлены описания отдельных элементов их традиционной культуры; большое внимание он уделял вопросам просвещения казахов, приобщения их к достижениям русской культуры [8; 9;

11–13]. В 1860 г. Бабаджанов в составе делегации казахов Оренбургского генерал-губернаторства посетил Санкт-Петербург и Москву. Делегация побывала в Эрмитаже, Арсенале, на Монетном дворе, Красной площади, в Московском университете и театре [35]. Своими впечатлениями о поездке в Санкт-Петербург в 1868 г. Бабаджанов поделился на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», отмечая, что «много постиг из русского искусства, образования, изобретений, производства» и все это будет весьма полезно для его соплеменников. О целях поездки в Россию от имени всех членов казахской делегации Бабаджанов писал: «Мы должны были вывезти из России что-либо полезное и нужное для народных потребностей в наших аулах» [10].

Можно отчасти согласиться с оценкой таких поездок, данной О.Е. Сухих, отмечавшей, что главная их задача (во всяком случае со второй половины XIX в.), по замыслу властей, заключалась не в распространении среди степняков приемов передового хозяйствования, а в том, чтобы показать мощь и величие империи, в состав которой им предстояло интегрироваться [50; 51]. Однако дело в том, что именно этот эффект и оказывался наиболее мощным стимулом в приобщении казахской знати к достижениям русской цивилизации, при том что утилитарные соображения хозяйственной выгоды работали плохо. Что касается М.-С. Бабаджанова, то он, живя и работая в Орде, личным примером способствовал процессу перехода казахов к оседлости, распространению среди них достижений науки и техники и русской культуры. Его имение в Орде имело вид почти образцового оседлого центра с роскошным садом.

Весьма показательно, что и по отношению к «просвещенным киргизам», активно привлекаемым имперским правительством на свою сторону, русское общество также разделилось: одни на страницах периодики приветствовали и поощряли меры по их приобщению к русской культуре; другие считали, что властям стоило бы более заботиться о русскоязычных подданных, а активное освещение в печати, например, приезда в Санкт-Петербург и Москву делегации казахов, в которой находился Бабаджанов, некоторые называли «киргизоманией» [9; 17; 41].

В любом случае выводы и оценки тех, кто жил долгое время в непосредственной близости с букеевцами и публиковал свои статьи и заметки в местной периодике, значительно отличались от выводов столичного этнографа, уже в силу своей профессиональной принадлежности более обеспокоенного сохранностью этнических традиций, нежели их модификацией. А.Н. Харузиным была поднята, по сути, глобальная проблема модернизации традиционных сообществ (ее форм, особенностей и последствий) [24]. Местные же краеведы, общественные деятели и чиновники своими непосредственными наблюдениями зафиксировали на страницах периодики ситуацию, которую впоследствии С.В. Лурье (оценивавшая деятельность администраций России и Великобритании) определила в виде своеобразного парадокса: «Вообще, парадокс этих двух империй (русской Среднеазиатской и Индийской империи англичан) состоял в том, что в них, на удивление, не удавалось то, к чему более всего стремились, и напротив, как-то само собой получалось то, к чему особого интереса не ощущали» [29, с. 412]. Действительно, англичане, считавшие себя обладающими особым талантом управления, свои неудачи в Индии часто объясняли именно негодной организацией управления. В свою очередь, русские, привычно сетовавшие (в том числе и на страницах периодических изданий) на «неумение управлять инородцами», оказывались в итоге в весьма неплохих отношениях с управляемыми [29, с. 412].

А.Е. Алекторов в статье, помещенной на страницах «Московских ведомостей» в 1882 г., весьма нелестно и резко писал об итогах 90-летней деятельности русской администрации в Орде, считая, что эти годы «скользнули только по поверхности» жизни казахов, «не задев нисколько их внутренней жизни, не поставив их в близкое общение с окружающим русским народом». Он считал большой ошибкой сохранение на местах и власти родоплеменной знати, и норм обычного права, и практики привлечения к управлению чиновников из туземцев, и само стремление русской администрации «защищать культуру и самобытность киргизов» [3]. Другими словами, А.Е. Алекторов сетовал на извечное российское неумение управлять туземцами и способствовать их ас-

симиляции, а появившийся в Орде всего через семь лет этнограф А.Н. Харузин констатировал высокую степень обрусения букеевцев. Этот же вывод, но уже в положительной коннотации, подтверждали П.И. Небольсин, А.Ф. Леопольдов и др. Десятки периодических изданий били тревогу по поводу активной татарской мусульманской проповеднической деятельности в Орде (якобы вызывавшей у казахов неприязнь ко всему русскому) и крайне слабой христианизации букеевцев, но в итоге именно «отатаренный» казах стал ближе к русским, чем сам татарин. (Весьма показательно, что и в наши дни в Средней Азии бытует поговорка: «Если киргиз хочет стать русским, пусть сначала станет казахом».)

Не стоит ли за этим парадоксом своеобразное качество этничности (и этнической культуры как своеобразного адаптационного механизма), которое заключается в способности активно противостоять резким внешним воздействиям и плавно приспособляться к более мягким и постепенным? Было ли это качество известно русской администрации в Букеевской Орде и было ли оно сознательно положено в основу этнической имперской политики? На эти вопросы материалы дореволюционной периодики не дают ответа, но тот опыт создания и скрепления огромной империи в единое целое, отдельные частицы которого периодика зафиксировала, безусловно, заслуживает дальнейшего нашего осмысления, а возможно – и применения.

Таким образом, материалы дореволюционных периодических изданий, посвященные этнографии казахов Букеевской Орды, дают большие возможности не только для изучения их материальной и духовной культуры, но позволяют также оценить политику российского правительства по отношению к так называемым «инородцам» и восхититься той чрезвычайной заинтересованностью, которую проявляло российское общество, пристально следившее и за этой политикой, и за состоянием опекаемых народов. Именно потому, что позиция эта была активной и заинтересованной, появляется возможность у современных исследователей реконструировать многие, уже утраченные, черты традиционной культуры букеевцев, выявить воссоздаваемые на страницах печати эмоционально окрашенные об-

разы «своих» и «чужих», обнаружить особенности менталитета не только исследуемых казахов, но и исследовавших их русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН 01201354248 (№ проекта 0256-2014-0012).

² Баранта – коллективный угон чужого скота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Л. Отношение Русских к Киргизам / А. Л. // Самарские губернские ведомости. – 1852. – № 5. – Часть неофиц. – С. 64–65.
2. А. Л. Степь / А. Л. // Саратовские губернские ведомости. – 1851. – № 7. – Часть неофиц. – С. 34.
3. Алекторов, А. Е. Букеевская Орда / А. Е. Алекторов // Московские ведомости. – 1882. – № 68.
4. Алекторов, А. Е. Как мы пишем теперь учебные книги / А. Е. Алекторов // Оренбургский листок. – 1899. – № 33–35; № 37–39; № 41.
5. Алекторов, А. Е. Нужен ли суд биев? / А. Е. Алекторов // Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. – 1890. – № 2.
6. Алекторов, А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах / А. Е. Алекторов. – Казань : Типо-литогр. Императ. ун-та, 1900. – 993 с.
7. Аспандияров, Б. Образование Букеевской Орды и ее ликвидация / Б. Аспандияров. – Алматы : Казак энциклопедиясы, 2007. – 400 с.
8. Бабаджанов, Х. М.-С. Внутренняя киргизская орда / Х. М.-С. Бабаджанов // Деятельность. – 1870. – № 127.
9. Бабаджанов, Х. М.-С. Заметка киргиза о киргизах / Х. М.-С. Бабаджанов // Северная пчела. – 1861. – № 131. – С. 15.
10. Бабаджанов, Х. М.-С. Заметки киргиза о житие-бытие и участи его родичей / Х. М.-С. Бабаджанов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861. – № 136. – С. 1.
11. Бабаджанов, Х. М.-С. Лошади и их испытание во Внутренней Киргизской орде / Х. М.-С. Бабаджанов // Журнал коннозаводства и охоты. – 1871. – № 5. – С. 21–37; № 6. – С. 35–87.
12. Бабаджанов, Х. М.-С. О каменной бабе, найденной в киргизской степи / Х. М.-С. Бабаджанов // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим Обществом. – 1864. – Вып. VI. – С. 9–10.
13. Бабаджанов, Х. М.-С. Охота во Внутренней орде / Х. М.-С. Бабаджанов // Журнал коннозаводства и охоты. – 1871. – № 1. – С. 49–50.

14. Внутренняя Киргизская Орда // Северная пчела. – 1842. – № 111. – С. 443–444.
15. Вымирание кочевников // Неделя. – 1896. – № 10.
16. Есипов, О Киргизах орды хана Джангира Букеева / Есипов // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1841. – Ч. 3, кн. 5. – Отд. 7. – С. 295.
17. Железнов, И. Киргизомания / И. Железнов // Русский вестник. – 1860. – Т. 30. – С. 45–51.
18. Зиманов, С. З. Россия и Букеевское ханство / С. З. Зиманов. – Алма-Ата : Наука, 1982. – 171 с.
19. Иванин, М. Внутренняя или Букеевская киргизская орда / М. Иванин // Эпоха. – 1864. – № 12. – Отд. 5. – С. 1–48.
20. Иванов, Н. Киргизские чародей / Н. Иванов // Астраханский справочный листок. – 1887. – № 273. – С. 3.
21. Извлечение из донесения действительного члена Императорского Русского Географического Общества И.П. Корнилова о совершенной им поездки в Астраханскую губернию и киргиз-кайсацкие степи в 1854 г. // Вестник Императорского Русского Географического Общества. – 1855. – Ч. XIV, кн. 3. – Отд. V. – С. 1–5.
22. Керимова, М. М. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог / М. М. Керимова, О. Б. Наумова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/1/164-198.pdf> (дата обращения: 07.02.2017). – Загл. с экрана.
23. Киргизские суды // Московские ведомости. – 1897. – № 272.
24. Киргизы и жизнь их // Саратовские губернские ведомости. – 1870. – № 214–224.
25. Киттары, М. Киргизская степь / М. Киттары // Оренбургские ведомости. – 1849. – № 11.
26. Киттары, М. Я. Киргизский туй / М. Я. Киттары // Журнал Министерства внутренних дел. – 1849. – Ч. 25. – С. 24–64.
27. Киттары, М. Я. Ставка хана Внутренней Киргизской орды / М. Я. Киттары // Журнал Министерства Внутренних дел. – 1848. – Ч. 28. – С. 107–196.
28. Леопольдов, А. Отношения русских к киргизам / А. Леопольдов // Саратовские губернские ведомости. – 1850. – № 43.
29. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1997 – 448 с.
30. Малиновский, Б. Избранное: динамика культуры / Б. Малиновский. – М. : РОССПЭН, 2004. – 959 с.
31. Медведский, П. Очерк торговли сырыми продуктами скотоводства в Ставке Внутренней Киргизской Орды в течение 1859 г. / П. Медведский // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1860. – Ч. LXXIII, кн. 3. – С. 224–236.
32. Михайлов, Н. О Внутренней Киргизской Орде / Н. Михайлов // Астраханские губернские ведомости. – 1842. – № 13; № 14; № 17.
33. Небольсин, П. И. Очерки Волжского Низовья / П. И. Небольсин // Журнал Министерства внутренних дел. – 1852. – Ч. 38, № 4–6. – С. 3–66, 205–245, 352–391; – Ч. 39.
34. Небольсин, П. И. Очерки Волжского Низовья / П. И. Небольсин. – СПб. : Тип. Министерства Внутренних Дел, 1852. – 197 с.
35. Небольсин, П. Путешествующие киргизы / П. Небольсин // Русский вестник. – 1860. – Т. 29. – С. 41–49.
36. О Внутренней или Букеевской Киргиз-кайсацкой Орде // Сын Отечества. – 1840. – Т. V, ч. 10. – С. 228–252.
37. О судопроизводстве в Букеевской Орде // Саратовские губернские ведомости. – 1845. – № 8.
38. Осипов, Г. О киргизах Орды Хана Джангира Букеева / Г. Осипов // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1841. – Ч. 1, кн. 1. – Отд. VII. – 10. Смесь. – С. 294–301.
39. Островский, Э. Ж. Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую Орду с ветеринарной целью / Э. Ж. Островский // Журнал Министерства внутренних дел. – 1859. – Ч. XXXIV. – Отд. 2. – С. 19–112.
40. Отношение крестьян к киргизам // Московские ведомости. – 1879. – № 113, 114.
41. Плотников, Л. По поводу статьи «Путешествующие киргизы» / Л. Плотников // Русский вестник. – 1860. – Т. 30. – С. 245–277.
42. Поездка в ставку Джангира-хана // Астраханские губернские ведомости. – 1845. – № 45. – С. 308–311; – № 46. – С. 318–320; – № 47. – С. 323–325.
43. Праздник в палатке Хана Малой Киргиз-Кайсацкой Орды Джангира // Русский Инвалид. – 1844. – № 5.
44. Профессор Э.Ю. Петри о киргизах // Оренбургский листок. – 1890. – № 7.
45. Сабанщиков, Рын-Пески / Сабанщиков // За-волжский муравей. – 1832. – № 12. – С. 660.
46. Савичев, Н. Заметки о некоторых недостатках в степном коннозаводстве Внутренней или Букеевской орды / Н. Савичев // Уральские войсковые ведомости. – 1876. – № 45.
47. Смирнов, И. Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики / И. Н. Смирнов // Исторический вестник. – 1892. – Т. 47, № 3. – С. 725–765.
48. Стремление к обрусению киргизов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1882. – № 11. – С. 180–181.
49. Сухих, О. Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России / О. Сухих // Вестник Евразии. – 2005. – № 3. – С. 5–28.

50. Сухих, О. Е. Империя напоказ, или Имперский опыт воспитания верноподданнических чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. / О. Е. Сухих // *Азиатская Россия: люди и структуры империи. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева* : сб. науч. ст. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2005. – С. 142–154.

51. Сыздыкова, Е. Мухаммед-Салих – значит Мухаммед Праведный / Е. Сыздыкова // *Казах тили – казахский язык. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kazakh-tili.ru/?show=news&id=415>. № 131 (дата обращения: 07.02.2017).* – Загл. с экрана.

52. Хан Внутренней Киргизской Орды Джангир // *Санкт-Петербургские ведомости. – 1844. – № 126. – С. 4.*

53. Ханыков, Я. В. Очерк состояния Внутренней Букеевской Орды в 1841 г. / Я. В. Ханыков // *Записки Императорского Русского Географического Общества. – 1847. – Кн. 2. – С. 27–60.*

54. Харузин, А. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографический очерк / А. Харузин. – Вып. I. – М. : Тип. Левенсон и К^о, 1889 – 551 с.

55. Харузин, А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из записной книги / А. Н. Харузин. – М. : Тип. А.А. Левенсона, 1888. – 192 с.

56. Харузин, А. Н. Указатель статей, касаемых этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. / А. Н. Харузин. – М. : Т-во скоропечати А.А. Левенсона, 1891. – 68 с.

7. Aspandiyarov B. *Obrazovanie Bukeevskoy Ordy i ee likvidatsiya* [Formation of Bukeev Horde and Its Elimination]. Almaty, Kazak entsiklopediyasy, 2007. 400 p.

8. Babadzhanov Kh.M.-S. Vnutrennyaya kirgizskaya orda [Internal Kirgiz Horde]. *Deyatelnost*, 1870, no. 127.

9. Babadzhanov Kh.M.-S. Zametka kirgiza o kirgizakh [Kirghiz Note on the Kirghiz]. *Severnaya pchela*, 1861, no. 131, p. 15.

10. Babadzhanov Kh.M.-S. Zametki kirgiza o zhite-byte i uchasti ego rodichey [Kirghiz's Notes about Life and the Fate of his Relatives]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1861, no. 136, p. 1.

11. Babadzhanov Kh.M.-S. Loshadi i ikh ispytanie vo Vnutrenney Kirgizskoy orde [Horses and Their Testing in Internal Kirgiz Horde]. *Zhurnal konnozavodstva i okhoty*, 1871, no. 5, pp. 21-37; no. 6, pp. 35-87.

12. Babadzhanov Kh.M.-S. O kamennoy babe, naydennoy v kirgizskoy stepi [About Stone Baba Found in the Kirghiz Steppe]. *Etnograficheskiy sbornik, izdavayemyy Imperatorskim Russkim Geograficheskim Obshchestvom* [Ethnographic Collection Published by the Imperial Russian Geographical Society], 1864, iss. VI, pp. 9-10.

13. Babadzhanov Kh.M.-S. Okhota vo Vnutrenney orde [Hunting in the Internal Horde]. *Zhurnal konnozavodstva i okhoty*, 1871, no. 1, pp. 49-50.

14. Vnutrennyaya Kirgizskaya Orda [Internal Kirghiz Horde]. *Severnaya Pchela*, 1842, no. 111, pp. 443-444.

15. Vymiranie kochevnikov [Extinction of Nomads]. *Nedelya*, 1896, no 10.

16. Esipov. O Kirgizakh ordy khana Dzhangira Bukeeva [About Kirghiz Hordes of Khan Dzhangir Bukeeva]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv*, 1841, part 3, book 5, divis. 7, p. 295.

17. Zheleznov I. Kirgizomaniya [Kirghiz Delusion]. *Russkiy vestnik*, 1860, vol. 30, pp. 45-51.

18. Zimanov S.Z. *Rossiya i Bukeevskoe khanstvo* [Russia and Bukey Khanate]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1982. 171 p.

19. Ivanin M. *Vnutrennyaya ili Bukeevskaya kirgizskaya orda* [Internal or Bukeev Kirgiz Horde]. *Epokha*, 1864, no 12, divis. 5, pp. 1-48.

20. Ivanov N. Kirgizskie charodei [Kirghiz Wizards]. *Astrakhanskiy spravochnyy listok*, 1887, no. 273, p. 3.

21. Izvlechenie iz doneseniya deystv. chlena IRGO I.P. Kornilova o sovershennoy im poezdki v Astrah. gub. i kirgiz-kaysatskie stepi v 1854 g. [Extract from the Report of the Full Member of the Imperial Russian Geographical Society I.P. Kornilov about His Trip to the Astrakhan Province and the Kirghiz-Kaisak Steppes in 1854]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo*

REFERENCES

1. A.L. Otnoshenie Russkikh k Kirgizam [The Attitude of the Russians to the Kirghiz]. *Samarskie gubernskie vedomosti*, 1852, no. 5, Non-official part, pp. 64-65.

2. A.L. Step [Steppe]. *Saratovskie gubernskie vedomosti*, 1851, no. 7, Non-official part, p. 34.

3. Alektorov A.E. Bukeevskaya Orda [Bukey Horde]. *Moskovskie vedomosti*, 1882, no. 68.

4. Alektorov A.E. Kak my pishem teper uchenye knigi [How We Write Academic Books Now]. *Orenburgskiy listok*, 1899, no. 33-35, 37-39, 41.

5. Alektorov A.E. Nuzhen li sud bievs? [Do We Need a Court of Biys?]. *Osoboe pribavlenie k Akmolinskim oblastnym vedomostyam* [A Special Addition to the Akmola Regional News], 1890, no. 2.

6. Alektorov A.E. *Ukazatel knig, zhurnalnykh i gazetnykh statey i zametok o kirgizakh* [Index of Books, Magazine and Newspaper Articles and Notes about the Kirghiz]. Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo un-ta, 1900. 993 p.

Geograficheskogo Obshchestva, 1855, part XIV, book 3, divis. V, pp. 1-5.

22. Kerimova M.M., Naumova O.B. Aleksey Nikolaevich Kharuzin – etnograf i antropolog [Alexey Kharuzin – Ethnographer and Anthropologist]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/1/164-198.pdf>. (accessed February 7, 2017).

23. Kirgizskie sudy [Kirghiz Courts]. *Moskovskie vedomosti*, 1897, no. 272.

24. Kirgizyi i ih zhizn [The Kirghiz and their Life]. *Saratovskie gubernskie vedomosti* [Saratov Provincial Gazette], 1870, no. 214-224.

25. Kittary M.Ya. Kirgizskaya step [Kirghiz Steppe]. *Orenburgskie vedomosti*, 1849, no. 11.

26. Kittary M.Ya. Kirgizskiy tuy [Kirghiz Tui]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, 1849, part, 25, pp. 24-64.

27. Kittary M.Ya. Stavka khana Vnutrenney Kirgizskoy ordy [Bid of Khan of Internal Kirghiz Horde]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, 1848, part 28, pp. 107-196.

28. Leopoldov A. Otnosheniya russkikh k kirgizam [The Attitude of Russians towards the Kirghiz]. *Saratovskie gubernskie vedomosti*, 1850, no. 43.

29. Lurye S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Moscow, Aspent Press, 1997. 448 p.

30. Malinovskiy B. *Izbrannoe: dinamika kultury* [The Selected: Dynamics of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 959 p.

31. Medvedskiy P. Ocherk trgovli syrymi produktami skotovodstva v Stavke Vnutrenney Kirgizskoy Ordy v techenie 1859 g. [Essay on Trade in Raw Food Livestock in the Headquarters of Internal Kirghiz Horde during 1859]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv*, 1860, part LXXIII, book 3, pp. 224-236.

32. Mikhaylov N. O Vnutrenney Kirgizskoy Orde [On the Internal Kirghiz Horde]. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti*, 1842, no. 13, 14, 17.

33. Nebolsin P.I. Ocherki Volzhskogo Nizovya [Essays on the Lower Volga Reaches] *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, 1852, part 38, no. 4-6, pp. 35-66, 205-245, 352-391; part 39.

34. Nebolsin P.I. *Ocherki Volzhskogo Nizovya* [Essays on the Lower Volga Reaches]. Saint Petersburg, Tip. Ministerstva Vnutrennikh Del, 1852. 197 p.

35. Nebolsin P. Puteshestvuyushchie kirgizy [Kirghiz Travellers]. *Russkiy vestnik*, 1860, vol. 29, pp. 41-49.

36. O Vnutrenney ili Bukeevskoy Kirgizkaysatskoy Orde [On the Internal or Bukeev Kirghiz-Kaisak Horde]. *Syn Otechestva*, 1840, vol. V, part 10, pp. 228-252.

37. O sudoproizvodstve v Bukeevskoy Orde [Proceedings in Bukeev Horde]. *Saratovskie gubernskie vedomosti*, 1845, no. 8.

38. Osipov G. O kirgizakh Ordy Hana Dzhangira Bukeeva [About the Kirghiz of the Horde of Khan Dzhangir Bukeev]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv*, 1841, part 1, book 1, divis. VII. 10. Mixture, pp. 294-301.

39. Ostrovskiy E. Zh. Poezdka vo Vnutrennyuyu kirgiz-kaysatskuyu Ordu s veterinarnoy tselyu [The Trip to the Internal Kaisak Kirghiz Horde with the Veterinary Aim]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, 1859, part XXXIV, divis. 2, pp. 19-112.

40. Otnoshenie krestyan k kirgizam [The Peasants' Attitude to the Kirghiz]. *Moskovskie vedomosti*, 1879, no. 113, 114.

41. Plotnikov L. Po povodu statyi «Puteshestvuyushchie kirgizy» [Concerning the Article *Kirghiz Travellers*]. *Russkiy vestnik*, 1860, vol. 30, pp. 245-277.

42. Poezdka v stavku Dzhangira-hana [Trip to the Headquarters of Dzhangir Khan]. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti*, 1845, no. 45, pp. 308-311; no. 46, pp. 318-320; no. 47, pp. 323-325.

43. Prazdnik v palatke Khana Maloy Kirgizkaysatskoy Ordy Dzhangira [Feast in the Tent of Khan Minor Kirghiz-Kaisak Horde Dzhangir]. *Russkiy invalid*, 1844, no. 5.

44. Professor E.Yu. Petri o kirgizakh [Professor E.Yu. Petri about the Kirghiz]. *Orenburgskiy listok*, 1890, no. 7.

45. Sabanshchikov. Ryn-Peski [Ryn Desert]. *Zavolzhskiy muravey*, 1832, no. 12, p. 660.

46. Savichev N. Zаметki o nekotorykh nedostatkakh v stepnom konnozavodstve Vnutrenney ili Bukeevskoy ordy [Notes on Some of the Shortcomings in the Steppe of Internal Horse Breeding or Bukeev Horde]. *Uralskie voyskovye vedomosti*, 1876, no. 45.

47. Smirnov I.N. Obrusenie inorodtsev i zadachi obrusitelnoy politiki [Russianization of Foreigners and Objectives of Russification Policy]. *Istoricheskij vestnik*, 1892, vol. 47, no. 3, pp. 725-765.

48. Stremlenie k obruseniyyu kirgizov [Striving for Kirghiz Russification]. *Astrakhanskije eparkhialnye vedomosti*, 1882, no. 11, pp. 180-181.

49. Sukhikh O. Kak «chuzhie» stanovyatsya «svoimi», ili leksika vklyucheniya Kazakhskoy stepi v imperskoe prostranstvo Rossii [How “Strangers” Become “Friends”, or the Lexicon of Including the Kazakh Steppe in the Imperial Space of Russia]. *Vestnik Evrazii*, 2005, no. 3, pp. 5-28.

50. Sukhikh O.E. Imperiya napokaz, ili Imperskiy opyt vospitaniya vernopoddannicheskikh chuvstv u kazakhskoy znati XVIII–XIX vv. [Empire for Show, or Imperial Experience of Educating the Feelings of Loyalty from the Kazakh Aristocracy in the 18th–19th

Centuries]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva: sb. nauch. st.* [Asian Russia: People and Empire Structures. To the 50th Anniversary of Professor A.V. Remnev's Birthday. Collection of Scientific Articles]. Omsk, Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo un-ta, 2005, pp. 142-154.

51. Syzdykova E. Mukhammed-Salikh – znachit Mukhammed Pravednyy [Muhammad Salih Means Muhammad Righteous]. *Kazak tili – kazakhskiy yazyk* [Kazak Tili is a Kazakh Language]. URL: <http://www.kazakh-tili.ru/?show=news&id=415>. № 13. (accessed February 7, 2017).

52. *Khan Vnutrenney Kirgizskoy Ordy Dzhangir* [Internal Kirghiz Horde Khan Jahangir]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1844, no. 126, p. 4.

53. Khanykov Ya.V. Ocherk sostoyaniya Vnutrenney Bukeevskoy Ordy v 1841 g. [Outline of

the State of Internal Bukeev Horde in 1841]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 1847, book 2, pp. 27-60.

54. Kharuzin A.N. *Kirgizy Bukeevskoy ordy. Antropologo-etnograficheskiy ocherk* [The Kirghiz of Bukeev Horde. Anthropological and Ethnographic Sketch]. Moscow, Tip. Levenson i Ko, 1889, iss. 1. 551 p.

55. Kharuzin A.N. *Stepnye ocherki (Kirgizskaya Bukeevskaya orda). Stranichki iz zapisnoy knigi* [Steppe Essays (Kirghiz Bukeev Horde). Pages from a Notebook]. Moscow, Tipografiya A.A. Levensona, 1888. 192 p.

56. Kharuzin A.N. *Ukazatel statey, kasaemykh etnografii kirgizov i karakirgizov s 1734 po 1891 g.* [Index of Articles Relating to the Kirghiz Ethnography and Karakirghiz from 1734 to 1891]. Moscow, T-vo skoropechati A.A. Levensona, 1891. 68 p.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Southern Scientific Center of RAS, Prosp. Chekhova, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor, Department of Political Science, International Relations and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@volsu.ru, polit@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры политологии, международных отношений и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@volsu.ru, polit@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>